

ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПУТЕМ КРАЖИ, ОБМАНА ИЛИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ОТЪЕМА КАК НАСЛЕДИЕ ГОМЕРОВСКОЙ ГЕРОИКИ В КУЛЬТУРЕ СПАРТЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Д. И. СТРОЙКОВ

*Нижегородский
государственный
лингвистический
университет
им. Н.А. Добролюбова*

*e-mail:
dstroikov@yahoo.co.uk*

В статье рассматривается отношение спартанцев к воровству. В существовавшей в рассматриваемый период в Спарте системе ценностей «воровская» модель поведения занимала центральное место и охватывала все стороны существования спартанского общества: систему воспитания и образования, религиозные обряды, совместные трапезы, отношения с коренным населением покоренной Мессении – илотами и поведение в отношении своих же сограждан. Вывод: в основе данной «воровской» модели поведения лежит гомеровская «героическая» система ценностей, которая в отличие от многих других полисов, в Спарте не только сохранилась, но и составила ядро системы поведенческих ценностей.

Ключевые слова: система поведенческих ценностей, «воровская» модель поведения, гомеровская «героическая» система ценностей, спартиат, *homoioi*.

Случаи воровства и использования чужой собственности в личных целях в спартанском обществе были далеко не редки. Использование чужих слуг, лошадей, повозок и даже запасов пищи – всё это не только не наказывалось, но и считалось вполне обыденным делом. Отъем чужого имущества, будь то кража, грабеж или вымогание были неотъемлемой частью спартанского общества. Воровство вообще было одним из основных элементов спартанской системы воспитания. По свидетельству Ксенофонта, мальчиков обучали не спать по ночам, прятаться в засаде днем с тем, чтобы украсть для себя еду. Если же они попадались на воровстве, то их нещадно наказывали – хлестали плетью, но не за кражу, а за нерасторопность (*Lak. Pol.* 2.6). Поэтому дети различными способами стремились скрывать факт воровства. Широко известна история о спартанском мальчике, который украл лисенка и спрятал его под плащом (*Plut. Mor.* 234a35). В то же время более удачливые воришки получали уважение своих товарищей. Успешность в воровстве положительно влияла на социальный статус молодого спартиата.

Более того, один из основных спартанских религиозных культов – культ Артемиды Орфии также имел одним из своих основных элементов воровство. Ксенофонт упоминает о том, что во время празднеств в честь Артемиды Орфии проводилось следующее испытание: группа мальчиков пыталась украсть с алтаря как можно больше головок сыра, в то время как другая группа подростков, вооруженная кнутами отгоняла их, пытаясь не дать им украсть сыр (*Xen. Lak. Pol.* 2.9).

Ещё один немаловажный момент, подтверждающий данную модель поведения спартиатов, культивируемую в них с детства – коррумпированность и продажность высших государственных лиц Спарты. Ещё Аристотель, рассуждая о спартанских порядках своего времени, говорит о коррупции, процветающей в Спарте, как о явлении широко распространенном и глубоко проникшем во все слои общества, особенно в его высшую среду. В качестве примера абсолютной беспринципности и подкупности спартанских высших властей он упоминает какой-то неизвестный нам из других источников случай, связанный с островом Андрос. По словам Аристотеля, в «андросском деле... некоторые из эфоров, соблазненные деньгами, погубили все государство...» (*Pol.* II, 6, 14, 1270 b). Не лучше он отзываясь и о спартанской герусии, куда в отличие от эфората попадали отнюдь не первые встречные: «Люди, занимающие эту должность, оказывается, бывают доступны подкупу и часто приносят в жертву государственные дела ради угождения» (*Pol.* II, 6, 18, 1271 a)¹.

¹ Перевод С.А. Жебелева.

В этом свете интересно высказывание, приписываемое спартанцу Аристодаму: «Только богатство делает человека человеком! Тот, у кого нет денег – не заслуживает никого уважения и не может считаться достойным гражданином!» (Alcaeus, fr. 101D).

Все вышеперечисленные формы отъема и присвоения чужого имущества имеют один общий корень – гомеровскую «героическую» систему ценностей, которая, в отличие от многих других полисов, в Спарте не только сохранилась, но и составила ядро системы поведенческих ценностей.

Наиболее ярко функционирование этой системы можно проследить на примере взаимоотношений спартанцев с коренным населением покоренной ими Мессении – илотами.

«...Как ослы, согнувшиеся под великим бременем,
Несут они господам от тяжелой нужды половину
Всего, что дает земля». (Tyrta. fr. 5 D)²

Так описывал Тиртей процедуру сбора дани с илотов спартиатами. Но почему именно половина урожая? Однозначного ответа источники не дают, да и современные исследователи пока не пришли к какому-либо *communis opinio*. Довольно интересным нам представляется предположение, высказанное независимо друг от друга Штефаном Линком³ и Хенком Зингором⁴. Отправной точкой, с которой начинаются их рассуждения, является утверждение Тиртея, что илоты обязаны отдавать своим господам половину того, что они смогут собрать с обрабатываемых ими полей. Это утверждение Линк связывает с фактом оккупации спартиатами Мессении и с тем, что в архаической Греции существовала и широко была распространена практика в случае осады города врагом откупаться от него половиной всего движимого имущества, находящегося внутри городских стен, что вероятно и имело место в случае с коренным населением покоренной Мессении. Данная традиция имеет документальные подтверждения в гомеровском эпосе⁵. И именно из этой древней традиции – брать с врага половину его движимого имущества, по мнению Линка, спартиаты и исходили, устанавливая размер ежегодной дани, которую правильнее будет назвать не данью, а выкупом, которой платили илоты. В то же время, в соответствии с данной традицией спартиатам следовало оставить илотов в покое после того, как они заплатили выкуп. Но именно этого они сделать не могли, если хотели сохранить контроль над завоеванными землями. Что же делать? По-видимому, ответом спартиатов на этот вопрос является обычай ежегодного объявления войны илотам. Каждый год, при вступлении в должность эфоры должны были подтвердить старый закон об объявлении так называемых криптий, т.е. освященной древним обычаем войны против илотов (Aristot. fr. 538). Исходя из того, что эфоры вступали в свою должность осенью, можно предположить, что год за годом, после того как урожай был собран, поделен на две равные части и половина отдана спартиатам (и таким образом старый долг был уплачен или, иначе говоря, старые обязательства были выполнены), именно тогда следовало новое объявление войны и на илотов накладывались новые обязательства, которые нужно было выполнить до следующей осени. И так далее год за годом. Вероятно, с точки зрения илотов данная система была вероломной, и, тем не менее, этот порядок действовал. По всей видимости, данная традиция была очень древней. И даже если бы мы не имели никаких иных тому подтверждений, об этом можно было бы догадаться только по тому факту, что о ней знали Тиртей и его слушатели⁶.

² По поводу размера дани в половину всего урожая см. Plut. Lyk. 8.7 и Hodkinson. Sharecropping and Sparta's economic exploitation of the helots // J.M. Sanders (ed.). ΦΙΛΟΛΟΓΩΝ. Studies in honour of H. Catling. London, 1992. P. 123-134, 125-133; Property and Wealth in Classical Sparta. Swansea and London, 2000. P. 125-131.

³ Link S. Das frühe Sparta. Untersuchungen zur spartanischen Staatsbildung im 7. und 6. Jahrhundert v. Chr. St. Katharinen, 2000. S. 45-58.

⁴ Singor H.W. Spartan land lots and helot rents // H. Sancisi-Weerdenburg et al. (eds.). De Agricultura. In memoriam Pieter Willem De Neeve. Amsterdam, 1993. P. 31-60, 43-44.

⁵ См., например: II. 22.111-128 и II. 18.509-512.

⁶ Hodkinson. The development of Spartan society and institutions in the archaic period // L. Mitchell and P. Rhodes (eds). The Development of the Polis in Archaic Greece. London, 1997. P. 83-102, 85-86.

Спартанцы, ритуализовав объявление войны (и тем самым институализировав требование выкупа), в дальнейшем сделали это краеугольным камнем существования своего общества и спартанского *polis* в целом. При этом роли главных участников были предельно просты: спартанцы ежегодно объявляли войну илотам и вели её в форме криптий, илоты же, в свою очередь, также ежегодно выплачивали выкуп, откупаясь тем самым от нападавшего врага.

Каким же образом такое поведение спартанцев по отношению к илотам было связано с широко распространенной в Спарте традицией присвоения чужого имущества с последующим его использованием в своих целях? Ответ прост – так как спартанцы основывали свое доминирование над илотами на древней гомеровской традиции, следуя этой логике, каждый спартиат мог объявить себя потомком и полноправным наследником древних героев. Известна песня спартанского воина, который так восхвалял себя: «Мое богатство – мое копьё, мой меч, мой славный шлем, крепость моего тела. При помощи их я обрабатываю землю, собираю хлеб и приготавливаю вино со своих виноградников; благодаря им – я господин своих слуг...».

И этот героизм был в Спарте институализирован. Состоявшееся после 2-й Мессенской войны распределение земли между полноправными гражданами – спартиатами, сделало каждого спартиата не только и не столько владельцем участка земли с прикрепленными к нему илотами. С точки зрения общества каждый спартиат по отношению к илотам выступал не как владелец земли (которому проживающие и трудящиеся на этом участке жители выплачивали «арендную плату») и не как работодатель (получавший результаты труда своих рабов). Каждый спартиат воспринимался как воин, заставляющий врага – илотов (пусть только и на своем земельном участке) откупаться от себя. Таким образом, сам институт илотии можно рассматривать как своеобразный «героический» вариант рабства, где илот выступал в качестве «поверженного» врага, спартиат – победителя, а дань рассматривалась как выкуп.

Награбленное у врага добро согласно гомеровской традиции должно быть поделено поровну между товарищами (*hetairoi*) героя. Например, Одиссей, высадившись на острове, где жил Циклоп, отправился на охоту и убил 118 коз, которых потом распределил поровну (по 9) на экипажи каждого из сопровождавших его 12 кораблей, взяв себе 10. И чуть позже все 118 коз, включая тех, что Одиссей оставил для себя, были совместно употреблены в пищу (*Od.* 9. 152-162). Представляется, что в случае с сисситиями мы имеем идентичную ситуацию. Плутарх, говоря о спартанских совместных трапезах, отмечает: «Когда бы, кто ни принес в дом какую добычу с охоты, он отправляет часть её в свою сисситию» (*Plut. Лук.* 12.4). Очевидно, это спартанский вариант гомеровской модели поведения. Та же модель применялась по отношению к добыче, награбленной в ходе набегов и войн. Способность захватить богатую добычу являлась одной из основных черт (и достоинств) гомеровского героя и, как и в случае с охотой, он должен был разделить добычу со своими товарищами. Первое, что сделал Одиссей вернувшись из пещеры Полифема – разгрузил корабль с добытым там добром и разделил его так, что каждому из его спутников досталась равная доля (*Od.* 9. 543-549).

Так же и каждый из членов сисситии каждый месяц вносил свою долю для общего стола – бушель ячменя, 36 л вина, 2 кг сыра, 1 кг фиг и в дополнение к этому – небольшую сумму денег за мясо и рыбу. И это был спартанский вариант гомеровского «героического» поведения; спартиат – герой, делящийся своей добычей со своими товарищами. И именно отсюда вытекает обычай лишать гражданских прав того, кто не в состоянии внести свою долю. Спартиат, не получивший со своего участка необходимого количества продуктов (иными словами – не сумевший «захватить добычу» у врага (илотов)) не мог считаться успешным воином, «героем», называться гомеем, равным. Именно так – *hotoioi* называли себя полноправные спартанские граждане. И в этом они следовали гомеровской традиции.

Аяксы так вдохновляли своих товарищей на битву:

«ω φίλοι Αργείων ος τ εἶσοχος ος τε μεσηείς

ος τε χερειοτερος ελει ου λω παντες ομοιοι
ανερες εν πολεμωι» (Il. 12.269-271).

И именно здесь кроется отличие – воины из числа простых людей не могли называться *homoioi*. Спартанцы же использовали именно этот термин для обозначения полноправных граждан. И именно стремлением сохранить этот статус, подтвердить, что они являются «героями», была обусловлена та модель поведения, элементами которой являлись присвоение чужого имущества, а также получение «выкупа» с илотов.

Ещё одним элементом всё той же гомеровской «героической» модели поведения являлась способность «по праву сильного» забирать не только имущество врага, но и имущество своих же товарищей, тем самым ещё раз подтверждая свою исключительность и способность делать, что считает нужным, не считаясь с кем-либо ещё. Так, Диомед обманул Главка (чей рассудок к тому же был помутнен Зевсом), выменяв у него принадлежащий ему золотой доспех стоимостью 100 баранов на свой, гораздо меньшей стоимости – всего 9 баранов. При этом Диомед прекрасно видел что Главк не находится в здравом уме и трезвой памяти, но это его не смутило и впоследствии он не испытывал никаких угрызений совести (Il. 6.234-236). Дед Одиссея – Автолик также был широко известен тем, что мог красть так же искусно, как его внук Одиссей – врать (Od. 19. 395-396).

Правда, не во всех полисах относились к этому «гомеровскому» наследию с таким же пиететом, как в Спарте. Наоборот – в большинстве древнегреческих городов кражи, насильственный отъем чужого имущества и обман осуждались и наказывались. И в этой связи нельзя не упомянуть, пожалуй, наиболее яркий пример извечно-го оппонента Спарты – Афины. Известно высказывание Солона: «Я хочу владеть собственностью, но я не хочу приобрести её каким-либо незаконным путем, ибо без сомнения, наказание последует за этим» (Fr. 1.7-8 D). Гомеровское «героическое» поведение, так тесно связанное с обманом воровством и грабежом, в Афинах сошло на нет, маргинализировалось и стало характеристикой поведения деклассированных элементов, но никак не полноправных граждан.

Спартанцы же и не пытались избавиться от того, что в остальном греческом мире уже считалось преступным поведением, наоборот, ассоциируя себя с героями древности и культивируя в себе все характерные черты их поведения. Спартанцы поместили эту модель поведения в центр системы ценностей. И подтверждение тому – почитание культа Одиссея в Спарте, строительство его святилища. А ведь именно Одиссей похитил палладий из Трои, да и вообще не отличался верностью своему слову и считался известным обманщиком. Лучшего патрона для Спарты сложно было придумать.

Успешная кража, отъем чужого имущества и удачный обман – всё это являлось доказательством того, что совершивший их является вполне достойным гражданином и наследником древних героев, вне зависимости от того, кто был жертвой – илот, спартиат или даже богиня (как в случае с ритуальной кражей сыров).

Хор стариков начинал и пел: «Когда-то мы были молоды и храбры!» Старикам отвечал хор мужчин: «Теперь храбры мы! Попробуй, если хочешь!» Детский хор подхватывал: «А мы со временем храбрее всех вас будем!» (Plut. Лук. 21.3). И тут же доказывали это, воруя у старших еду.

Плутарх, говоря о законах Ликурга отмечал, что: «Законы Ликурга эффективны в воспитании доблести, но совершенно бесполезны в деле установления справедливости» (Plut. Лук. 28.1).

Нам же наиболее правильно отражающими суть данной ситуации представляются слова Ксенофонта: «...он (Ликург) полагал, что обман и воровство причиняют вред только их жертвам; в то же время слабые и трусливые – предатели всего государства, и совершенно правильным является подвергнуть их самому суровому нака-

⁷ Link S. Das fruhe Sparta. Untersuchungen zur spartanischen Staatsbildung im 7. und 6. Jahrhundert v. Chr. St. Katharinen, 2000. S. 52.

занию» (Хен. *Lak. Pol.* 10.6). Эти слова ещё раз доказывают, что в Спарте самым серьезным преступлением считалось проявление трусости. Спартиат, который предал идеалы «гомеровского героя», должен быть наказан без пощады. В то же время, тот, кто украл что-либо, не навредив при этом никому, кроме самой жертвы, доказал тем самым, что в обществе по-прежнему существуют сильные личности, герои.

THEFT, DECEIT AND ROBBERY AS A HERITAGE OF THE HOMERIC HEROICS IN SPARTAN CULTURE

D. I. STROIKOV

*Nizhny Novgorod Linguistic
University
n.a. N.A. Dobrolyubov*

*e-mail:
dstroikov@yahoo.co.uk*

The article touches upon the very unique Spartan attitudes towards theft. In Classical Spartan was in the centre of the value system and covered nearly every aspect of life of the Spartan society: upbringing and education, religious rites, common meals, behaviour towards the helot population of Laconia and fellow citizens. Relying on the existing sources and having analyzed different solutions on this issue it could be concluded that in the centre of the Spartan «thievish» pattern of behaviour lies Homeric heroic code, which in Sparta, unlike in many other Greek states, has not only preserved, but become the centre of the value system.

Key words: value system, «thievish» pattern of behaviour, Homeric heroic code, spartiate, *homoioi*.